

М. В. Фролова, А. И. Лунева

**МЕСТЬ *КУНТИЛАНАК*:
ИНДОНЕЗИЙСКИЙ ПРИЗРАК В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ**

АННОТАЦИЯ. Статья начинается с обзора группы персонажей низшей мифологии в традиционном фольклоре австронезийского мира. Выделена особая группа зложных покойников, обладающих схожими чертами и функциями. Это зловредные вампироподобные призраки женщин и детей, умерших в родах. В Индонезии самым популярным из таких существ считается кунтиланак. Это призрак молодой женщины, который предупреждает о своем появлении голосами птиц, ароматом цветов, а в момент узнавания человеком превращается в нежить, намеревающуюся убить свою жертву. Большинство народных рассказов о кунтиланак повествуют либо о смерти в родах, либо об умершей не своей смертью жертве насилия, после чего несчастная превращается в вампироподобную нечисть. Ее образ по-разному трактуется в традиции и в современной массовой культуре. В качестве примера в статье подробно проанализирован индонезийский фильм ужасов «Кунтиланак» (2006 г., режиссер Ризал Мантофани), предложены различные варианты прочтения типичных сюжетов о мстящем призраке, в том числе в духе фрейдомарксизма и феминистской критики. Образ призываемого злого призрака, вышедшего из-под контроля, трактуется и как бессознательные символы страхов и личных травм, и как невысказанное недовольство современной политической и идеологической ситуацией в стране. Историю о кунтиланак как о «жертве патриархата» эксплуатируют индонезийские феминистки; мстящий призрак становится универсальным символом маргинала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кунтиланак, австронезийские призраки, хоррор, индонезийская культура, индонезийский фильм ужасов

УДК 398(910)

DOI 10.31250/2618-8600-2019-1(3)-173-192

ФРОЛОВА Марина Владимировна — к.филол.н., старший преподаватель кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)
E-mail: m.v.frolova@gmail.com

ЛУНЁВА Александра Игоревна — магистрант Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)
E-mail: yatagai.rohler@gmail.com

Рис. 1. Кунтиланак, фоторабота неизвестного современного автора

*Hantu Pontianak
Mati beranak
Mati ditimpa tiang tombak
Racun buloh panjang pendek
Aku nak tikam hantu Pontianak*

*Призрак понтианак,
Умершей в родах,
Убитой ядовитым наконечником
Короткого или длинного бамбука,
Я заколю призрак понтианак*

Малайский заговор¹

*Жуткое — это то, что должно было бы быть скрытым,
но обнаружило себя.*

Фридрих Шеллинг

Население республики Индонезия (267 711 млн, из которых 207 млн исповедуют ислам²) всегда отличалось религиозной толерантностью, стремлением к бесконфликтным отношениям между этносами. Отчасти это объясняется тем, что религиозная строгость монотеизма относительно недавно начала активно распространяться среди индонезийцев. Национальный девиз республики *Bhinneka Tunggal Ika* («Единство в многообразии») изначально был предназначен подчеркнуть слияние двух культов: Шивы и Будды³, а уже в XX в. начал символизировать мультиэтничность и поликонфессиональность населения. На Яве, самом густонаселенном острове страны, до сих пор существует уникальное традиционное религиозно-культурное мировоззрение *кеджавен* (от

¹ Здесь и далее переводы с малайского, индонезийского и английского выполнены авторами статьи.

² Подробнее см.: Indonesia Population 2018; Agama di Indonesia.

³ Язык девиза — древнеяванский санскритизированный *кави*, автор строк (взятых из поэмы *Сутасома*) — придворный поэт индустской империи Маджапахит XIV в. Мпу Тантулар.

Jawa/Jawi, то есть «Ява»; можно перевести как «яванизм») — синтез анимизма, индуизма, буддизма, ислама и христианства⁴.

В наши дни весь регион Юго-Восточной Азии динамично развивается. Сложные церемонии и обряды перехода упрощаются, многообразие ингредиентов и веществ, фигурирующих в народной магии и целительстве, сводится к современной фармацевтике, а на мистическую многочасовую медитацию просто нет времени. Население больших городов Индонезии зачастую на вопросы про сложный церемониал и ритуальный комплекс (также связанный с театром, музыкой и танцами) восклицает: «Ooooo, itu duluuu!» («О-о-о, это было давно-о-о!»).

Ф О Л Ь К Л О Р

Одним из самых живых фольклорных жанров современности остается быличка *черита ханту* (от *cerita* — «рассказ», *hantu* — «призрак»), рассказ о встрече с персонажами низшей мифологии. Былички принадлежат древнейшему пласту несказочной прозы, обладающей установкой на достоверность. У каждого индонезийца найдется история о том, как он (или его родственник, сосед, друг) однажды видел настоящего призрака. В Малайзии ислам гораздо сильнее повлиял на вытеснение языческих представлений о мире из народной культуры. Истории о некоторых призраках остались в прошлом, сейчас о них можно прочитать только в трудах фольклористов.

Народы мира имеют схожие представления о беспокойных призраках и заложенных покойниках. В Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш) распространены рассказы о *чурел/чурали* — духе женщины, убитой во время беременности или умершей в родах (обычно ее нерожденные/погибшие дети были зачаты вне брака). Такие покойницы не могут успокоиться, жаждут мести. *Чурел* высасывают кровь мужчин, превращают их в стариков или убивают. Типологически индийские *чурел* близки к группе призраков малайско-индонезийского фольклора, обычно обозначаемых как *понттианак* (Kreems 2018).

Любопытно, что для индонезийцев само это слово также ассоциируется с географией — на западном побережье острова Калимантан стоит современный город Понттианак, наследник одноименного султаната, существовавшего с конца XVIII в. до 1950 г. Своим страшным названием город обязан преданию об основателе правящего дома — султане по имени Шариф Абдурахман Алькадри, который обстрелял населявших местность призраков из пушек. Озлобленные *понттианак* атаковали его армию, но были побеждены и оставили город⁵.

⁴ Этому явлению посвящен авторитетный труд американского антрополога Клиффорда Гирца «The Religion of Java» (Geertz 1960).

⁵ См., например, видеофрагмент об этом: Ini Dia! 2016.

Р. О. Уинстедт в своей работе о малайских религиозных верованиях и ритуалах («Shaman, Saiva and Sufi», 1924 г.) называет таких призраков *баниш*⁶. «Согласно вере Мухаммада, умершие в родах причисляются к мученикам, которыми весьма доволен Господь. Малаец счел трудным принять эту удобную доктрину. Ужас их преждевременной кончины подвел его предков к мысли, что такие женщины порождают зловредных духов» (Winstedt 1924: 11). Общее наименование таких призраков (*понттианак*) современные индонезийцы объясняют через созвучие с фразой *mati beranak* — «умереть в родах».

В филиппинской низшей мифологии существуют похожие персонажи *тианак* (*tianak/tiyanak/tiwanak*) — зловредный дух мертвого ребенка. Общая корневая морфема *anak* («ребенок») указывает на то, что *понттианак* изначально могла быть призраком в виде самого новорожденного, а не его матери. Ранние записи малайского фольклора о *понттианак* часто описывают это существо как призрак мертворожденного младенца⁷.

Помимо *понттианак*, в источниках по малайским народным верованиям начала XX в. часто встречается похожий призрак — *лангсуир* (*langsuir*), этимология этого слова неясна. Английские колониальные чиновники описывали ее так: очень длинные ногти; голова с длинными черными волосами (что указывает только на ее молодость, у призраков старух волосы седые) отделена от закутанного в белый саван тела. Исследователь малайской магии У. У. Скит описывает *лангсуир* как «женщину ослепительной красоты, умершую после того, как она родила мертвого ребенка <...> Она облачена в одежды зеленого цвета [так как обитает в лесу. — М. Ф., А. Л.], ее ногти необычайной длины (как признак красоты), ее черные локоны струятся до самых лодыжек, но лишь для того, чтобы прикрыть отверстие на шее, через которое она высасывает кровь детей. С этими вампирами, однако, можно успешно бороться, если принять соответствующие меры — поймать призрака, обрезать ему ногти и волосы и затолкать их в отверстие на шее. После этого призрак становится неотличим от самой обычной женщины. Известны случаи, в которых обезвреженные подобным образом *лангсуир* становились женами и матерями, жили годами в деревне, пока им не разрешали танцевать на празднике. Тогда они принимали свою прежнюю форму и сбегали в лес» (Skeat 1900: 320, 324–327).

О *лангсуир* сейчас мало вспоминают. «Вымирание» *лангсуир* в современном фольклоре связано с деградацией традиционного промысла

⁶ *Баниш* — воющий призрак женщины из ирландского фольклора, возвещающий своими воплями о смерти.

⁷ «Говорят, что понтианаки — это духи женщин, умерших во время беременности, несмотря на факт, что самые ранние зафиксированные описания понтианак в малайском фольклоре представляют их в виде призраков мертворождённых младенцев». URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Pontianak_\(folklore\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Pontianak_(folklore)) (дата обращения 11.03.2019).

лесорубов, в среде которых были распространены поверья о *лангсуир*. Отправляясь на работы, лесорубы совершали сложные ритуалы для избавления джунглей от нее перед вырубкой леса.

Лангсуир также могла явиться в облике совы, чей крик ассоциировался с плачем женщины, потерявшей свое дитя. «В это самое мгновение мы услышали, как на вершине дерева ухает сова. <...> Из-за кустов под деревом вышла женщина в белом и медленно направилась к нам. Она приближалась, раскачиваясь из стороны в сторону, зловеще размахивала своим балахоном и ухала прямо как сова...» (Berkasih dengan Langsuir); «другая *баниши лангсуир* летает в облике совы с кошачьей мордой» (Winstedt 1924: 11). Из-за страха перед зооморфной летающей покойницей появился обряд предотвращения ее появления. Перед похоронами в рот умершей в родах помещали стеклянные бусы, в подмышки вкладывали куриные яйца, а в ладони вонзали иглы. Считалось, что тогда она не сможет кричать или махать руками, чтобы летать (Nicholas 2004: 23; Winstedt 1924: 12).

Особенно подчеркивается ее способность к левитации и превращению в сову (иногда ее сопровождает сова-фамильяр⁸). Изоморфность призрака отражает архаичный конструкт в системе первобытного мировоззрения. О *лангсуир* писал юнгианец Зигмунд Хевайц (Siegmond Hurwitz); указывая на архетипичность образа ведьмы-кровопийцы, он ссылаясь на работу Скита (Хевайц 2012: 14). *Лангсуир* похожа на других зловредных вампиров, чьи образы также ассоциируются с совами. Хевайц рассматривает значения слова «сова» в разных европейских языках: «Слово *strega* в итальянском означает “злую старуху” или “ведьму, которая состоит в союзе с дьяволом”. В старофранцузском есть похожее слово *estrie*, “некое вампироподобное существо”. В португальском это же слово переводится как “ведьма”, что соответствует испанскому слову *bruja*. В обоих диалектах ретороманского языка (ладинском и сурсельванском) присутствует слово *stria*. Не будет преувеличением сказать, что на всех языках это слово имеет два значения: первое — “ведьма”, а второе — “сова”» (Хевайц 2012: 14–15).

Помимо *лангсуир*, на территории современных Малайзии и Индонезии бытовали поверья о призраке *пенанггалан*. Общий австронезийский корень *tanggal* имеет семантику ‘отделять’, ‘рубить’. У призрака отделенная от тела голова, болтающиеся внутренности, он способен светиться в ночи и являться в образе горящего шара.

Есть три основные версии возникновения *пенанггалан*: это либо женщина, умершая в родах, либо неудавшийся эксперимент с черной магией, либо проклятье (что встречается реже всего). *Пенанггалан* не считается полностью призрачным существом, так как днем она принимает облик обычной женщины (и выглядит то как молодая красавица, то как

⁸ Фамильяр — по средневековым европейским поверьям, волшебный помощник ведьм, терноморфный дух-спутник (кот, жаба и т. д.).

старуха); ее можно отличить от обычных людей по стойкому запаху уксуса, в котором она хранит свое тело. Жертвами *пенанггалан* обычно являются молодые женщины и маленькие дети. Считается, что она может проходить сквозь стены или просачиваться между половицами в дом, где есть новорожденные. Распространенной защитой от нападения *пенанггалан* служат ловушки, которые делаются из растений с колючками или острыми листьями, их ставят вокруг домов, где есть младенцы. *Пенанггалан* поранит о такие растения свои внутренности, однако это не поможет, если призрак решит пройти под половицами. Поэтому в некоторых случаях за несколько месяцев до рождения ребенка семья высаживает под домом⁹ ананасы. Острые листья и колючие плоды должны удержать *пенанггалан* от проникновения в дом. Также напавшую *пенанггалан* можно убить любым холодным оружием. Иногда только что родившие женщины держат под рукой ножницы, которыми можно отбиться от призрака (Nicholas 2004: 24).

Мужчины в деревнях, в которых появлялись *пенанггалан*, пытались ночью разыскать тело, от которого она отделяла свою голову перед выходом на охоту. Если кремировать тело и провести соответствующие магические ритуалы, призрак перестанет угрожать деревне, так как не сможет с наступлением дня отыскать свое «убежище» (Mercatante, Dow 2004: 690).

На Филиппинах существуют поверья о родственном призраке с похожим названием и свойствами — *манананггал*. Разница в том, что пол *манананггал* иногда бывает трудно установить, это необязательно женщина. *Манананггал* использует язык, чтобы пить кровь, а *пенанггалан* кльики (от двух до многих сотен). Однако в целом оба вампира очень схожи. *Манананггал*, как и *пенанггалан*, всегда оставляет свое тело в емкости с уксусом, чтобы днем вернуться к нему (Ramos 1971).

Сонм заложных покойниц возглавляет самый популярный призрак в Индонезии — *кунтиланак*. Это тоже беспокойный дух молодой женщины с бледным лицом, длинными спутанными волосами, в белом платье, с красными глазами и пятнами крови на одежде. Отразить атаку призрака можно вонзив в нее гвоздь, иглу или другой тонкий острый предмет.

Слово *kuntilanak* очевидно родственно *pontianak* и *tiyanak* (через общий корень *anak* ('ребенок'), что уже было отмечено выше), при этом морфем *ponti* и *kunti* в индонезийском языке нет. Компонент *anak* указывает на то, что оба призрака имеют связь с деторождением: либо призрак мыслится как роженица/мертворожденный младенец (ср. выше *лангсуир*, мать мертворожденного младенца), либо охотится за беременными, роженицами или новорожденными.

⁹ Традиционные индонезийские дома строят на сваях.

В Большом толковом индонезийском словаре (Kamus Besar Bahasa Indonesia) про *pontianak* сказано, что это город на Калимантане, а слово *kuntilanak* объясняется так: «Как говорят, это призрак (*hantu*) женского пола, который любит забирать маленьких детей и мешать только что родившим женщинам» (Pontianak ... 2016)¹⁰. Большой индонезийско-русский словарь переадресует *kuntilanak* на *pontianak* как на «*суев.* привидение в облике женщины в саване» (Большой Индонезийско-русский словарь 1990. Т. 2: 156). Может встретиться и *Кунти* как имя собственное, но крайне редко (это имя из индо-яванской «Махабхараты», где Кунти — мать Пандавов). Кунти или «сестрицей Кунти» (*mbak Kunti*) также ласково называют *кунтиланак*, о приближении которой возвещает пение на яванский манер *тембанг мочопат* (*Tembang mocopat...* 2016) или детский плач. Если слышно плохо, то значит призрак рядом, а если громко — далеко (фольклорная инверсия: обратный порядок событий). В быличках часто упоминаются голоса зверей и птиц (например, лай собак), которые предупреждают о том, что призрак близко. «Когда вышел из комнаты, я услышал утиное кряканье, доносившееся со стороны кухни. Я вспомнил, что ни у кого из соседей, а тем более у нас, никогда не было уток. Я подумал, что это как-то странно. Тем не менее звук слышался очень отчетливо, хоть и слабо. Уже в комнате я вспомнил, что мы с коллегами как-то болтали о всяких мистических делах. Особенно о том, что *кунтиланак* может имитировать разные звуки и, если пойти на этот звук, можно обнаружить самого призрака. <...> Я услышал, как кряканье сменилось плачем моей матери. Обеспокоенный, я подошел к комнате родителей и распахнул дверь, к моему удивлению кровать была пуста. Повернув голову, я в ужасе обнаружил сидевшую у зеркала *кунтиланак* в длинном белом балахоне, расчесывающую свои длинные волосы» (*Kuntilanak di gumahku...* 2016).

Появление призрака связывают и с некоторыми другими нематериальными знаками, например, с запахами. *Кунтиланак* часто сопровождается приятный цветочный аромат, который резко сменяется отвратительным зловонием разлагающихся тел за секунду до узнавания ее истинной сущности героем былички. «Я увидела *кунтиланак*... Затем почувствовался запах благовоний и цветов магнолии» (*Dihadang Kuntilanak...* 2014). Индонезийцы верят, что *кунти* находит своих жертв по запаху, вынюхивая белье, которое сушится на улице, поэтому оставлять одежду у дома на ночь считается дурным знаком. Как и у других призраков, у *кунтиланак* есть место обитания, обычно — дерево. Ср.: «...Ученик средней школы пропал в шесть часов и был найден лежащим под банановым деревом только в полночь. <...> Несколько мгновений спустя, все

¹⁰ Pontianak / KBBI online. URL: <https://kbbi.kemdikbud.go.id/entri/pontianak> (дата обращения 11.03.2019). Kuntilanak / KBBI online. URL: <https://kbbi.kemdikbud.go.id/entri/kuntilanak> (дата обращения 11.03.2019).

еще был без сознания, он вдруг широко раскрыл глаза, прокричав в ужасе: “*Кунтиланак!*” Его крик вселил панику в родителей и всех жителей деревни» (Sosok kuntilanak diduga... 2017).

В прошлом страх перед *кунтиланак* объяснялся реальным страхом перед родами и большой вероятностью неблагоприятного исхода для матери и ребенка. Но в наши дни, когда Индонезия располагает медициной европейского типа, смерть в родах не так сильно пугает будущих матерей. Акценты ужаса смещаются, и начиная со второй половины XX в. индонезийские былички приобретают иные тона. Теперь в них фигурируют призраки зверски убитых (например, каторжников из подвалов «Дома тысячи дверей» (*Lawang Sewu*) в яванском городе Семаранге — колониальном здании Нидерландских ост-индских железных дорог). После японской оккупации 1942–1945 гг. *кунтиланак* все чаще упоминается в связи с жертвами насилия. Далее начинают преобладать истории с моралью о вреде свободной любви, и ее образ становится средоточием страхов молодых девушек, которые поддаются уговорам и вступают во внебрачные связи со своими возлюбленными. Если такая девушка погибнет от подпольного аборта, она превратится в *кунтиланак* и будет одержима мстостью.

Городские былички, называемые часто городскими легендами, полны сюжетов о внезапной встрече с *кунтиланак*, что не сулит ничего хорошего увидевшему ее. Ужас и отвращение нагнетается за счет одной немаловажной детали; иногда в кульминационный момент сюжета *кунтиланак* демонстрирует то, что обычно прикрывают ее длинные волосы — дыру в спине, в которой копошатся черви. Любопытно, что это явление в большей степени присуще другому, тоже родственному, призраку *сундел болонг* (от *sundel* — ‘шлюха’, *bolong* — ‘дыра’). В отличие от *кунтиланак*, ее облик намекает на нечистое занятие при жизни — проституцию; Клиффорд Гирц описывает *сундел болонг*, дословно переводя это наименование как *prostitute with a hole in her* (Geertz 1960: 18). Отвратительная кишася червями дыра на спине — метафора вагины проститутки и намек на потенциальные венерические болезни. В современной Индонезии существует образ умершей неправильной смертью, и нередко он связан с намеком на то, что мстящая *сундел болонг* при жизни занималась проституцией либо проституцией и развратом (что особенно значимо в исламском контексте). Такой образ *сундел болонг* эксплуатируется в массовой культуре и кино. Самый знаменитый одноименный фильм 1981 г.¹¹ возведен в статус культового благодаря актрисе Сюзанне ван Ош (Suzzanna van Osch, 1942–2008), «королеве индонезийского хоррора». Режиссеры и сценаристы «фильмов категории Б» (*B-movies*), как и полагается в эксплуатационном кино, обращались

¹¹ *Sundel Bolong* (1981 г., режиссер Сисворо Гаутама Путро).

Рис. 2. Молодежь устраивает уличные маскарады и флешмобы.

URL: <https://lifestyle.okezone.com>

к криминальным и сверхъестественным темам (*Blood Guts, and Bad Acting...* 2017). При режиме Нового порядка (1966–1998)¹² цензоры благосклонно относились к импорту «американского», позволяли эротические сцены на экране, кровавые драки и т. д., при этом запрещая любую социальную критику. Экономический рост Индонезии и стремительное освоение западной культуры способствовали абсорбции разнообразных киноклише, которым неизменно сопутствовали темы, связанные с местным индонезийским фольклором.

В современной популярной культуре образ *мбак Кунти* растиражирован благодаря внушительному списку фильмов ужасов, включая пародии в духе фильма «Очень страшное кино». Хотя *кунтиланак* не перестала наводить ужас, в современной городской культуре заметно расширилось ранее табуированное поле, и смеяться над призраками стало нормой: молодежь устраивает уличные маскарады и флешмобы, наряжаясь в различных призраков Индонезии.

ЛИТЕРАТУРА

Оригинальный подход к прочтению образа *кунтиланак* предлагают современные индонезийские писатели. В романе «Число Фу» (*Bilangan Fu*, 2008) Айю Утами (*Ayu Utami*, род. в 1968 г.) *кунтиланак* представляется скорее жертвой современной массовой культуры. Один из героев

¹² Новый порядок — авторитарный политический режим, установленный в Индонезии генералом Сухарто (1966–1998).

романа, молодой человек Юда, размышляет об образе *кунти*, когда включает ток-шоу: «Хихикающие, вопящие телеведущие и *кунтиланак* (в чем вообще разница между ними?), воюющие героини сериалов (некоторые из них тоже станут *кунтиланак*, их насилюют, их убивают — к счастью, надеюсь, только в сериале, так и появляются призраки); обещания проповедников, освобождающих *кунтиланак* от собственной ненависти, чтобы они раскаялись и продолжили путь в загробный мир, чередуются с трижды повторяющейся орущей рекламой» (Utami 2008: 26). Юда видит в современном телевидении ту же угрозу, что несут в себе призраки из старых *черита ханту*, переключавшиеся на экраны, ставшие источником новой болезни — зависимости от телевизора. Благодаря сюжету романа, балансирующему на грани мистики и реализма, читатели знакомятся с «правдоподобными» вырезками из индонезийских газет о паранормальных явлениях. «Призраки — это темная сторона людей этой страны», — решает Юда. *Кунтиланак* показана той частью традиции, которая теряет свой вес, превращаясь в продукт популярной культуры, о чем свидетельствует наличие большого количества фильмов и комиксов о ней, не имеющих ничего общего с традиционным образом персонажа. Герои романа часто говорят между собой об индонезийских фильмах ужасов, основу сюжета которых составляют *черита ханту*.

КИНО

В традиционный период фольклор (народные сказания, ритуальные театральные представления и танцы) и литература (здесь имеется в виду все записанное, от эпиграфики с правительственными эдиктами до изящных придворных поэм) выступали как своего рода сообщающиеся сосуды в словесности региона. В наши дни, говоря о культурной жизни Индонезии, справедливо будет обозначить доминантную роль кино.

Изучению индонезийского кинематографа посвящено немало работ (см., например: Heider 1991), отдельный сегмент исследований посвящен маргинальной культуре, например, изображению ЛГБТ (Murtagh 2013). Внимание научного сообщества обращено и на крайне популярную тему хоррора. Вампиры, зомби, призраки — киногерои современности. Индонезийские персонажи хорроров (зачастую давшие название и самому фильму) родились в народной культуре.

Некоторые из тех фильмов, в которых главные герои общаются с нечистой, уже стали «новой классикой». Молодежный фильм ужасов в поджанре *слэшер*¹³ «Туннель Касабланка» 2007 г.¹⁴ назван так по реальному месту в Джакарте, где, согласно городской легенде, молодая женщина

¹³ От англ. *slash* ('удар с плеча, рубить') — иначе «фильм отсчета тел» или «фильм мертвых подростков»; поджанр фильмов ужасов, где убийства одного персонажа за другим совершаются маньяком или сверхъестественным монстром.

¹⁴ *Terowongan Casablanca* (2007 г., режиссер Нананг Истиябуди).

после подпольного аборта умерла прямо посреди дороги. Эта история положена в основу сюжета фильма, в котором дух погибшей мстит неверному возлюбленному и всем его друзьям, предающимся свободным удовольствиям. Существует аналогичный филиппинский фольклорный сюжет о призраке *Babaeng nakaputi* — «женщины в белом» (тагальск.). Это шоферская легенда о Белой даме, привидении с Балете драйв¹⁵ в Большой Маниле (Балете — то же, что и баньян, индонезийское *beringin/waringin*, также, как и в Индонезии, место обитания духов): «Здесь призраком — женщина в белом, иногда с окровавленным лицом, закрытым длинными волосами, или вовсе без лица, а то и без головы, что роднит ее с традиционными злокозненными существами филиппинской низшей мифологии: они бывают без спины, без ног и без нижней части тела» (Станюкович 2018: 305). На Филиппинах «легенды во множественных вариантах хорошо известны горожанам, в основном городским низам; люди с образованием, напротив, ничего толком о Белой Даме не знают (хотя слышали о ней все без исключения)» (Там же). Иначе обстоят дела в соседней Индонезии, причем не играет роли степень образованности информанта и/или его приверженности исламу, который исключает сам факт существования таких призраков, относит их к категории *takhayul* (суеверия)¹⁶.

В фольклорных сюжетах манильских водителей Белая дама обладает способностью вызывать аварии где угодно, необязательно на Балете драйв; обычно о ней отзываются как о *multo* или *murto* (от исп. *muerto* — ‘мертвый’) (Станюкович 2018: 308–309). В одном из вариантов такой заложной покойницей стала жертва насилия японских солдат во время Второй мировой войны; ее мстительный призрак особенно опасен для мужчин, которым она является в виде красавицы, но, подсадив ее к себе в машину или на мотоцикл, они видят ее окровавленной и безобразной (Станюкович 2018: 305). Резкая смена облика в момент узнавания водителем своей пассажирки — тот же переломный, ключевой момент былички, модификация которого прослеживается в кинематографе в виде излюбленного приема из фильмов ужасов — скримера¹⁷, многократно присутствующего и в одноименном фильме «Кунтиланак» (2006, режиссер Ризал Мантофани)¹⁸. Этот фильм весьма популярен, и в момент выхода в прокат он вызвал широкую полемику в светских и религиозных кругах Индонезии.

¹⁵ *Balete Drive* — одна из центральных улиц в столице Филиппин, Маниле.

¹⁶ Ср. также следующий эпизод: по воспоминаниям очевидца, доктора политических наук Алексея Юрьевича Другова, «в начале 1960-х гг. на авиабазе ВВС Индонезии на Восточной Яве не решились срубить огромное дерево *варингин*, закрывавшее обзор летного поля, потому что по поверью в нем обитал дух-покровитель аэродрома» (Другов 2005: 26).

¹⁷ Скример (от англ. *scream* — ‘крик’) — разновидность шок-контента, основанная на внезапности появления чего-то пугающего.

¹⁸ Режиссер всех трех серий авторской трилогии о *кунтиланак* родился в 1967 г. в Джакарте, по этнической принадлежности он — *минангкабау* (один из мусульманских народов Западной Суматры).

Фильм открывает сцена-экспозиция вещего сна главной героини: она сидит в охваченном пламенем пространстве и перед ней лежат ножицы, камень и тарелка. Далее идут титры на индонезийском языке, стилизованные под надписи на яванском в традиционной графике *оно-чороко*, что создает специальную атмосферу старины. Сам фильм содержит символические художественные детали: дерево *берингин* на кладбище, старинные зеркала, украшенные угрожающими резными масками, *батиковые* наряды¹⁹ героинь. В фильме довольно точно переданы базовые принципы яванских поверий, наставления и запреты (*gugon tuhon*): кресло нельзя поворачивать от зеркала в угол (это так называемый *pat mali* — яв. ‘народная примета’, ‘запрет’), второй этаж дома предназначен только для женщин, туда нельзя приводить мужчин и т. д.

Главная интрига фильма разворачивается вокруг деятельности секты семьи Мангкудживо (яв. *tangka jiwa* — дословно ‘владельцы душ’), которые в прошлом были крупными промышленниками, хозяевами завода батиковых тканей, но впоследствии обанкротились и сдают родовой дом, находящийся рядом с кладбищем, в центре которого растет огромный раскидистый *берингин*, под общежитие. Род Мангкудживо рискует оборваться, им нужна новая молодая девушка, способная призывать *кунтиланак*. Хозяйкой призрака становится студентка Саманта, пережившая сексуальные домогательства отчима и недавнюю смерть матери. Тема насилия над женщиной звучит как один из основных мотивов появления призрака.

В фильме *кунтиланак* изображена как отвратительная морщинистая старуха в белом платье, на лошадиных ногах с копытами, вылезая из антикварного зеркала по зову «сильного», который ее и «содержит» (яв. *sing kuat sing melihara*). При взгляде на афиши возникает вопрос, кто же настоящая *кунтиланак*? (рис. 3)

Один из колоритных героев фильма выступает в амплу волшебного помощника²⁰, он знает толк в поведении призраков и трактует повторяющийся сон главной героини Саманты. Именно он и догадывается, что Саманта обладает даром медиума (*wangsit*), способного вызывать злой дух *кунтиланак* и «натравливать» его на своих врагов.

Местом обитания *кунти* является классический локус — дерево *берингин* на кладбище у родового дома. Однако *кунтиланак* выходит не из дерева, а через старинное зеркало в резной раме, украшенной зловещей маской. Зеркало — универсальный магический предмет и место перехода из мира людей в мир духов. Повернув от него кресло, Саманта

¹⁹ *Батик* — традиционное яванское искусство росписи горячим воском по ткани. Батиковые ткани являются национальным символом Индонезии и обладают сакральным значением в яванской культуре.

²⁰ Примечательно, что его комната декорирована ритуальными масками островов Восточной Индонезии и Полинезии.

Рис. 3. Киноафиша «Кунтиланак», 2006 г.

впадает в транс и вызывает *кунтиланак*, напевая мистический *тембанг дурмо*²¹.

Предметом дискуссий стала вольная трактовка народных коллективных представлений о призраке. В фильме *кунтиланак* приносят ритуальные подношения (*sesajen*), что является табу для традиции. Отсутствует типичная для быличек прямая ассоциация призрака с потенциальными жертвами — беременными женщинами или новорожденными, в кино *кунтиланак* охотится на тех, кого приказывает убить медиум. А острые предметы — главное оружие против *кунти* — в фильме используются не

²¹ *Tembang Durmo* — особый размер (*тембанг*), которым слагаются песни о битвах и войнах. Слово *Durmo* происходит из древнеяванского языка *кави* и означает «тигр» (известный символ страстей в яванской мистике; приставка *dur-* сохраняется и в современном индонезийском языке и имеет общее значение ‘дурное’). В фильме героиня поет на яванском и вызывает *кунтиланак*, однако слова ее песни являются заклинанием для отвода злого духа: «*Lingsir wengi sliramu tumeking sirno ojo Tangi nggonmu guling*» («На ночь твоя тень исчезает, не просыпайся от своего сна»), то есть Саманта просит духа не подниматься с места своего отдыха при наступлении ночи. «*Awat jo ngetoto aku lagi bang wingo*» («Осторожно, не показывайся, я волнуюсь») — эта формулировка означает «я не хочу, чтобы мне мешали»; «*Jin setan kang tak utusi dadyo sebarang wojo lelayu sebet*» («Джин, шайтан, я приказываю, стань, чем хочешь, но не приноси смерть!»).

для самозащиты, а чтобы разбить зеркала, через которые перемещается призрак (Maheswarina 2012).

В сцене убийства у одной из жертв *кунтиланак* мертвая голова остается повернутой на 180 градусов, что напоминает знаменитую сцену фильма Уильяма Фридкина «Изгоняющий дьявола» (1973). Перевернутые на экране объекты означают инаковость, пересмотр официального, «левое» вместо «правого», намекают на «чёрную мессу»²² (Humphrey 2014: 47). Безусловно, немаловажной темой споров о фильме стали его противоречия строгим мусульманским догмам. В фильме много женских персонажей, но среди них нет ни одного с покрытой головой, несмотря на то, что действие происходит в студенческом общежитии (ношение головного платка входит в негласный дресс-код в государственных учреждениях и университетах для женщин, исповедующих ислам). Хозяйка общежития спрашивает у героини, молится ли она, и получив в ответ молчание, одобрительно замечает: «Ну, ничего». В фильме подчеркнут эротический элемент: беспутные соседки по общежитию приводят ночами в гости мужчин, приносят алкоголь и т. д. Героини фильма много курят, пьют пиво и играют в карты. Картина на экране не соответствует реалиям настоящих студенческих общежитий в крупных городах Явы²³.

Саманту играет актриса смешанного индо-китайского и индо-европейского происхождения Джулия Эстел (*Julia Estelle*, род. в 1989 г.), которая в 17 лет позировала для индонезийского издания журнала *Playboy* (в 2006 г., когда и вышел фильм «Кунтиланак»; вообще 2006 г. явно принес юной актрисе скандальную известность). Фильм демонстрирует, что суеверия действительно сильны и играют значимую роль в жизни современного общества, и напоминает, что ислам в Индонезии не является государственной религией. «Фильм можно понять как признание угрозы анимистических поверий всему государству, которое в настоящее время держится на исламе и прогрессе (*modernity*)» (Hock Soon Ng 2014: 453). Положительная реакция населения Индонезии (в основном урбанизированной молодежи) на фильм «Кунтиланак» может быть выражением недовольства, вызванного утратой народных традиций из-за глобальных векторов развития страны. Киноискусство Индонезии довольно отчетливо отражает два парадоксальным образом параллельных процесса: с одной стороны, существует официальный дискурс, «дневное поле» современности с ее техническим прогрессом и «новой исламизацией», проникающей во все сферы жизни, в политику, в быт и т. д.,

²² Черная месса — оккультный обряд посвящения, противопоставленный христианской мессе в церкви и, главным образом, причастию, в котором все элементы католического богослужения травестийно пародируются, воспроизводятся наизнанку и задом наперед. Популярная тема в американском кинематографе ужасов 1980-х гг.

²³ В индонезийских общежитиях распространено «правило открытой двери» — необходимо держать открытой дверь в комнате, если там присутствует гость противоположного пола в дневное время (в ночное приводить гостей официально запрещено).

а с другой — параллельный мир, «ночное поле» культуры, темная сторона индонезийской жизни, изгнанная в подсознание.

Возникает вопрос: все ли ужасное в популярном образе *кунтиланак* связано с игнорированием догм и предписаний ислама (либо христианства или религии вообще!) как спасения от зла?

Существуют разнообразные теории критики кино, применяемые в современных *cinema studies*. В частности встречается интерпретация кассовых хорроров как фильмов о страхах населения перед современной политической ситуацией и официальной идеологией. Наиболее любопытен фрейдомарксистский подход²⁴ к прочтению массового киноискусства (Wood 2003). В диалогах героев (ср.: «Почему ты выбрала именно это общежитие?» — «Дешево!») раскрывается формальный мотив выбора места: стесненное материальное положение обитателей проклятого дома. *Кунтиланак* нужна семейству Мангкудживо для обретения богатств, добытых нечестным путем с помощью нечести (яв. *pesugihan*). Призрак, удерживаемый предпринимателями Мангкудживо, символизирует капитал, построенный на договоре с силами зла. Загнанный в «зазеркалье» дух *кунтиланак* в фильме может означать вытеснение сексуальных комплексов и фрустраций общества, все более ощущающего и даже приветствующего исламизацию в контексте возрастающей роли строгой морали. В малайзийских фильмах «Понтианак»²⁵, индонезийских «Кунтиланак» главный образ символизирует подавляемое недовольство официальной идеологией, правительством, политикой страны.

Находящиеся в противоречии с патриархальной классической культурой гомосексуальность и феминизм — распространенное альтернативное прочтение образов монстров из фильмов ужасов²⁶. В данном случае *кунтиланак* интерпретируется как подавленная травма, пережитое насилие, причиненное мужчиной. Это лейтмотив всей трилогии: во второй части фильма Саманта вызывает *кунтиланак* для расправы над таксистом, решившим ограбить симпатичную девушку. Мстительная Саманта — подлинная героиня фильма, названного в честь самого знаменитого индонезийского призрака.

Еще один сильный женский персонаж — хозяйка дома *ибу* Сукма²⁷. Она одета по моде 1980-х, то есть Нового порядка, когда президент Сухарто проводил заметную в настоящее время секулярную политику,

²⁴ Фрейдомарксизм — это определение для ряда философских теорий, которые синтезируют работы Карла Маркса и психоаналитической теории Зигмунда Фрейда.

²⁵ Речь идет об одном из первых малайзийских хорроров 1950-х гг.: «Понтианак», «Месть Понтианак» (*Dendam Pontianak*), «Проклятье Понтианак» (*Sumpah Pontianak*) и о современных ремейках.

²⁶ Золотой век психоаналитической критики кино пришелся на 1980-е гг., время президента Америки Рональда Рейгана. «Все позитивное, что было в шестидесятые, стерто при Рейгане и его капитализме, сексизме и империализме» (Sharrett 2014: 63).

²⁷ *Ibu* — мать, госпожа, уважительное обращение к взрослой к женщине.

сводя роль ислама в жизни индонезийского общества к минимуму. Жажда власти, демонстрируемая *ибу* Сукмой, и сам тот факт, что злой дух женского рода может вызывать и использовать только женщина — выражение подавляемой в патриархальном обществе ее воли к власти.

В психоаналитическом подходе к прочтению фильмов и книг ужасов доминирует идея о воплощении в монстрах подавленных желаний и детских травм. В фильме «Кунтиланак» акцент сделан не на самом монстре, лишь эпизодически мелькающем в кадре, а на фигуре главной героини. Подавляемые воспоминания персонализируются в образе злого мстящего духа, который убивает всех, кто угрожает Саманте.

«Хотя миф о *кунтиланак* родился на Калимантане, призрак, преследующий нечестивых мужчин, вдохновляет женщин многих стран Юго-Восточной Азии. Ее послание: продолжай сражаться с гендерной несправедливостью, пусть даже и прямо из замогильного мира» (Kreems 2018). Активистки феминистского движения Индонезии поднимают на пьедестал образ мстительной *кунтиланак*, в которой они видят возмездие за совершенное насилие (Kreems 2018). Алисия Изхаруддин, малайзийская исследовательница *gender studies* из Университета Малайя (Куала Лумпур), считает, что популярность мстящей *кунтиланак* «говорит о многом в жизни азиатских обществ, о том, что мы не можем дать права все еще живой женщине» (Kreems 2018). По теории феминистического прочтения хоррора Барбары Крид, профессора Мельбурнского университета, монстры, подобные *кунтиланак*, — фигура «неправильной» женщины, отторгаемой патриархальным обществом (Creed 1993).

Объединяющий конструкт всех образов фильма, в разной степени валентных *кунтиланак*, — маргинализация. Ни властолюбивая *ибу* Сукма, *business woman* сухартовской эпохи, ни сексуальные студентки мистического общежития не попадают в рамки общепринятых современных индонезийских норм. Такие героини не входят в официальное «дневное поле» общественной жизни, как и сам призрак *кунтиланак* — некое архетипическое воплощение озлобленных, обиженных и зловредных женщин. *Кунтиланак* в момент соблазнения своей жертвы прекрасна — ее собирательный образ на экране и есть сексуально активные, вызывающе одетые молодые девушки с длинными распущенными волосами. Как только происходит момент узнавания — красавица оборачивается монстром.

Что вытесняет индонезийский хоррор? Массовая культура отражает бессознательное, где ужасы — изгнанные «другие». Обилие эротических намеков в фильмах ужасов нацелено на то, чтобы компрометировать официальные моральные ценности, и *кунтиланак*, равно как и другие персонажи древних народных быличек *черита ханту*, трактуются как выражение комплексов и страхов современного общества.

Индонезийские призраки модифицировались, подстроились под ритмы городской жизни, освоили смартфоны и интернет, проникли

в пространство ночных клубов. Новый пласт фольклора формируется на наших глазах. Современная культура сохраняет облик одного из самых узнаваемых и страшных призраков Индонезии — *кунтиланак*, а комплексный подход (*folklore, literature & cinema studies*) позволяет вывести некогда «низкие» и маргинальные темы на поверхность; образ *кунти* напоминает о неисчезнувших проблемах Индонезии — таких, как положение женщины в обществе, судьба жертв насилия, вопросы законности аборт, принятие *queer*-сообщества, сексуальных, религиозных и этнических меньшинств: «Мы знаем, что зомби не существуют на самом деле, так значит, раз мы боимся зомби, мы должны бояться чего-то другого, чего-то, что зомби представляют собой» (Dumas 2014: 30). Разгадать, какие именно страхи воплощает собой современный образ *кунтиланак*, предоставлено нам самим.

ИСТОЧНИКИ

Большой Индонезийско-русский словарь в двух томах / под ред. Р. Н. Коригодского. М., 1990. Т. 2.

Большой толковый индонезийский словарь, пятое издание, под редакцией Института развития языка при Министерстве образования и культуры республики Индонезия // Kamus Besar Bahasa Indonesia Edisi Kelima / Badan Pengembangan dan Pembinaan Bahasa, Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan Republik Indonesia. URL: <https://kbbi.kemdikbud.go.id/> (дата обращения: 11.03.2019).

Видеозапись пения на яванский манер: Tembang mocapat: Dandang Gulo — kanyut pelog // Sense of Java. 03.01.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mTUvz8UnbsY> (accessed: 11.03.2019).

Utami A. Bilangan Fu. Jakarta, 2008.

Agama di Indonesia // Indonesia-Investments. URL: <https://www.indonesia-investments.com/id/budaya/agama/item69> (accessed: 11.03.2019).

Berkasih dengan Langsuir // Nunalicious. Siri bercakap dengan jin (jilid 2). URL: <https://www.wattpad.com/567081790-siri-bercakap-dengan-jin-jilid-2-berkasih-dengan> (accessed: 11.03.2019).

Blood, Guts, and Bad Acting: Inside the Indonesian B Movies of the 1980s // by 'VICE's Foreign Film Club, host: Charlet Duboc. 07.12.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9axbh6DKdG0> (accessed: 11.03.2019).

Dihadang Kuntilanak // Cerita Misteri. 28.12.2014. URL: <http://www.kangsambas.com/2014/12/cerita-misteri-dihadang-kuntilanak.html> (accessed: 11.03.2019).

Indonesia Population // World Population Review. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/indonesia-population/> (accessed: 10.11.2018)

Ini Dia! Asal-usul nama kota Pontianak yang jarang diketahui orang // Video Mistirius. 15.11.2016. URL: https://www.youtube.com/watch?v=YOR_fcqIxxQ (accessed: 11.03.2019).

Kuntilanak di rumahku // Cerita Hantu KCH. Jangan pernah baca itu sendirian! 2016. URL: <http://cerita-hantu.com/kuntilanak-di-rumahku> (accessed: 10.02.2016).

Sosok kuntilanak diduga sembunyikan ABG di bawah pohon pisang // Bali Tribuna News. 17.01.2017. URL: <http://bali.tribunnews.com/2017/01/17/mistis-sosok-kuntilanak-diduga-sembynyikan-abg-di-bawah-pohon-pisang> (accessed: 11.03.2019).

Pontianak. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Pontianak_\(folklore\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Pontianak_(folklore)) (accessed: 11.03.2019).

ЛИТЕРАТУРА

Другов А. Ю. Учебное пособие по курсу «Индонезия. Страноведение». М., 2005.

Станюкович М. В. Белая дама и ее либрета // Фольклор и антропология города. № 1. Т. 1. 2018. С. 302–320.

Хевайц З. Книга Лилит (1980). Касталия, 2012. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1035966> (дата обращения: 11.03.2019).

Creed B. Monstrous Feminine: film, feminism, psychoanalysis. London; New York, 1993.

Dumas C. Horror and Psychoanalysis. An Introductory Primer // A Companion to the Horror Film. Chichester, 2014. P. 21–37.

Geertz C. The Religion of Java. Chicago; London, 1960.

Hock Soon Ng A. Sisterhood of Terror. The Monstrous Feminine of Southeast Asian Horror Cinema // A Companion to the Horror Film. Chichester, 2014. P. 442–459.

Heider K. G. Indonesian Cinema: National Culture on Screen. Honolulu, 1991.

Humphrey D. Gender and Sexuality Haunts the Horror Film // A Companion to the Horror Film. Chichester, 2014. P. 38–55.

Kreems N. Hantu Kuntilanak adalah Ikon Feminis Asia Tenggara // Vice Indonesia. 17.09.2018. URL: https://www.vice.com/id_id/article/kz5evx/hantu-kuntilanak-adalah-ikon-feminis-asia-tenggara?site=vice&utm_campaign=qv9yeb&utm_source=stylizedembed_vice.com (accessed: 11.03.2019).

Maheswarina T. A. Kepercayaan Masyarakat dalam Film Kuntilanak // Digital Library Universitas Negeri Malang. 2012. URL: <http://library.um.ac.id/free-contents/index.php/pub/detail/kepercayaan-masyarakat-jawa-dalam-film-kuntilanak-tassa-ary-maheswarina-54427.html> (accessed: 11.03.2019).

Mercatante A. S., Dow J. R. The Facts on File Encyclopedia of World Mythology and Legend. New York, 2004.

Murtagh B. Genders and Sexualities in Indonesian Cinema: Constructing gay, lesbi and waria identities on screen. London; New York, 2013.

Nicholas C. L. Speaking about Ghosts (Cerita Hantu Melayu). Malay Narratives-In-Interaction. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. Norman, Oklahoma, 2004.

Ramos M. D. Creatures of Philippine Lower Mythology. Quezon City, Philippines, 1971.

Sharrett C. The Horror Film as Social Allegory (And How it Coes Undone // A Companion to the Horror Film. Chichester, 2014. P. 56–72.

Skeat W. W. Malay Magic. In Introduction to the Folklore and popular religion of the Malay Peninsula. New York, 1900.

Winstedt R. O. Shaman, Saiva and Sufi. A Study of the Evolution of the Malay Magic. Singapore, 1924.

Wood R. Hollywood from Vietnam to Raegan and Beyond. New York, 2003.

THE VENGEANCE OF *KUNTILANAK*: INDONESIAN GHOST IN MODERN CULTURE

ABSTRACT. The article opens with a review of specific ghosts in the traditional folklore of the Austronesian region. This is a group of malicious ghosts sharing similar features and functions and appearing in the form of women and children who died at birth. In Indonesia the most popular ghost of this kind is *kuntilanak*, a ghost of a young woman with matted hair wearing a long white dress. At the very moment of recognition of her true self she turns to be an undead monster with killing intentions. The majority of folk-tales about her focus on death by childbirth or death caused by sexual violence, after which the victim transforms into *kuntilanak*. This image is interpreted both in tradition and modern popular culture. As the example, the paper analyses the horror film “Kuntilanak” (directed by Rizal Mantovani in 2006) from different perspectives including those of Freudo-Marxism and feminist criticism. The monster out of control is understood as an unconscious symbol of fear and personal trauma or as that of unspoken dissatisfaction with current political and ideological situation in the country. *Kuntilanak* as a “victim of patriarchy” is exploited by Indonesian feminists. Nowadays the avenging ghost appears to be a universal symbol of a marginalized person.

KEY WORDS: Kuntilanak, Austronesian ghosts, horror, Indonesian culture, Indonesian horror film

Marina V. FROLOVA — Candidate of Philology, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (Russia, Moscow)
E-mail: m.v.frolova@gmail.com

Alexandra I. LUNYOVA — Master student at the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (Russia, Moscow)
E-mail: yatagai.rohler@gmail.com

REFERENCES

- Creed B. *The Monstrous Feminine: Film, Feminism, Psychoanalysis*. London; New York: Routledge, 1993, 216 p. (in English).
- Drugov A. Yu. *Uchebnoe posobie po kursu «Indoneziya. Stranovedenie»* [Textbook for the Course “Indonesia. Geography”]. Moscow: Vostochnyy universitet Publ., 2005, 89 p. (in Russ.).
- Dumas C. *Horror and Psychoanalysis. An Introductory Primer. A Companion to the Horror Film*. Chichester: John Wiley and Sons, Inc, 2014, pp. 21–37. (in English).
- Geertz C. *The Religion of Java*. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1960, 392 p. (in English).
- Heider K. G. *Indonesian Cinema: National Culture on Screen*. Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1991, 160 p. (in English).
- Hock Soon Ng A. *Sisterhood of Terror. The Monstrous Feminine of Southeast Asian Horror Cinema. A Companion to the Horror Film*. Chichester: John Wiley and Sons, 2014, pp. 442–459. (in English).

Humphrey D. *Gender and Sexuality Haunts the Horror Film. A Companion to the Horror Film*. Chichester: John Wiley and Sons, 2014, pp. 38–55. (in English).

Hurwitz S. *Kniga Lilit* [Lilith the First Eve]. Castalia, 2012. Available at: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1035966> (accessed: 11.03.2019). (in Russ.)

Kreems N. *Hantu Kuntilanak adalah Ikon Feminis Asia Tenggara* [Ghost of Kuntilanak is a Southeast Asian Feminist Icon]. *Vice Indonesia*, 17.09.2018. Available at: https://www.vice.com/id_id/article/kz5evx/hantu-kuntilanak-adalah-ikon-feminis-asia-tenggara?site=vice&utm_campaign=qv9yeb&utm_source=stylizedembed_vice.com (accessed: 11.03.2019). (in Indonesian).

Maheswarina T. A. *Kepercayaan Masyarakat dalam Film Kuntilanak* [Community Trust in Kuntilanak Film]. *Digital Library Universitas Negeri Malang*, 2012. Available at: <http://library.um.ac.id/free-contents/index.php/pub/detail/kepercayaan-masyarakat-jawa-dalam-film-kuntilanak-tassa-ary-maheswarina-54427.html> (accessed: 11.03.2019). (in Indonesian).

Mercatante A. S., Dow J. R. *The Facts on File Encyclopedia of World Mythology and Legend*. New York: Facts on File, 2004, 1096 p. (in English).

Murtagh B. *Genders and Sexualities in Indonesian Cinema: Constructing gay, lesbi and waria identities on screen*. London; New York: Routledge, 2013, 216 p. (in English).

Nicholas C. L. *Speaking about Ghosts (Cerita Hantu Melayu)*. Malay Narratives-In-Interaction. *Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy*. Norman, Oklahoma, 2004, 243 p. (in English).

Ramos M. D. *The Creatures of Philippine Lower Mythology*. Quezon City, Philippines: Phoenix Publ., 1971, 390 p. (in English).

Sharrett C. *The Horror Film as Social Allegory (And How it Coes Undone. A Companion to the Horror Film)*. Chichester: John Wiley and Sons, 2014, pp. 56–72. (in English).

Skeat W. W. *Malay Magic*. In *Introduction to the Folklore and popular religion of the Malay Peninsula*. New York: MACMILLIAN Company, 1900, 690 p. (in English).

Stanyukovich M. V. [White Lady and her Libre]. *Folklor i antropologiya goroda* [Folklore and City Anthropology], 2018, no. 1, vol. 1, pp. 302–320. (in Russ.).

Winstedt R. O. *Shaman, Saiva and Sufi. A Study of the Evolution of the Malay Magic*. Singapore, 1924, 191 p. (in English).

Wood R. *Hollywood from Vietnam to Raegan and Beyond*. Columbia Univ. Press, 2003, 480 p. (in English).